

В полночь даже самые ревностные послушники Лагеря Большой Медведицы уже разошлись по своим покоем. Е Му сидел один посреди широкой Звездной террасы, безмолвно ожидая. Звездный купол здесь казался совсем близким — мириады искр холодно мерцали на бархате черного неба. Ночной ветер приносил легкую прохладу, но он лишь наслаждался этой тишиной и уединением.

Шла третья ночь его бодрствования — и последняя. Орды демонов подступали к столице, и он должен был вернуться туда, чтобы забрать Е Мина. Поскольку в Лагере Большой Медведицы пока царило затишье, сразу после этого он планировал навеститься в город Чанъи, проведать Е Цана, и лишь затем вновь подняться на террасу.

Проведя полночи за заучиванием карт, Е Му поднялся незадолго до рассвета. Он прищурился на далекий горизонт, где занималась первая робкая золотая полоса, призвал легким взмахом руки птицу Цзяло и покинул Звездную террасу.

Стоило гигантскому крылатому силуэту растаять в вышине, как из глубокой тени скользнула фигура.

Это была хрупкая девочка с длинными черными волосами и бездонными темными глазами. Изящная, словно фарфоровая кукла, она хранила на лице абсолютное, пугающее бесстрашие. Проводив взглядом исчезающую в небесах черную точку, она нежным, тихим голосом позвала:

— Папа...

Отвернувшись от горизонта, девочка раскрыла ладонь под первыми теплыми лучами солнца и принялась внимательно изучать узоры на бледной коже.

"Неблагоприятный знак, — Е Нуань нахмурилась. — Пойду следом — лишь навлеку на отца беду".

"Как досадно".

Она слегка надула губы, словно сердясь, но по-прежнему оставалась отрешенной, масочно-холодной.

Куда же теперь податься? Пожалуй, стоит отыскать теплое местечко и почитать.

Сделав несколько шагов, она подобрала с земли оставленный свиток, огляделась и выбрала залитый солнцем пятачок. Там она и устроилась, свернувшись маленьким темным комочком. В теплых золотистых лучах она на мгновение довольно прищурилась, но тут же вновь стала бесстрастно-строгой. Развернув свиток, она погрузилась в чтение.

Когда Е Му вернулся в столицу, он сразу почувствовал, как сильно изменился город.

Прохожих на улицах заметно поубавилось. Люди жались к углам, вполголоса перешептываясь и пугливо оглядываясь по сторонам. Большинство лавок наглухо закрыли ставни, прекратив торговлю. Повсюду сновали патрули стражников. Напряжение висело в воздухе столь густо, что любая мелочь могла спровоцировать яростную брань или драку прямо на мостовой.

Столицу душил липкий страх, смешанный с глухим отчаянием. Горожане, поколениями не знавшие бед под защитой высоких стен, впервые осознали: война и смерть стоят у самого их порога.

Е Му прибавил шагу, спеша к арендованному им дворику.

Стоило ему переступить порог, как гроыхнул оглушительный взрыв и в воздух взметнулась туча известковой пыли. Е Му едва успел отпрянуть назад, совершив ловкий кульбит, чтобы уберечься от завала. Из рассеивающегося марева к нему с топотом бросился Е Мин. Малыш крепко обхватил его ноги руками и, запрокинув голову, звонко крикнул:

— Папа, ты вернулся!

Потрепав мальчика по вихрастой макушке, Е Му ласково улыбнулся:

— Да, я дома. Как ты тут поживал без меня? Никто не навещался?

Е Мин ответил на удивление бойко и рассудительно:

— Все хорошо, папа! Только я очень скучал по тебе и по Нуань-нуань. Сюда никто не приходил.

— Вот и славно. Умница, отлично присмотрел за домом, — Е Му погладил его по плечу. — А теперь ступай, собери свои вещи. Нам пора уходить.

Глядя в ясные, доверчивые глаза приемного сына, Е Му ощутил укол вины. Беды и неурядицы сыпались одна за другой. Мальчик едва успел привыкнуть к покою, как судьба вновь гнала их в дорогу. Будет ли у них вообще когда-нибудь тихая, мирная гавань?

Малыш, не подозревая о терзаниях отца, послушно кивнул:

— Хорошо, папа.

Он тут же убежал в дом укладывать свои нехитрые сокровища.

Е Му осмотрелся — брать с собой было почти нечего. Он зашел в комнату и извлек из тайника сверток, бережно завернутый в мягкое полотно.

Он взвесил его на ладони. Под пальцами сквозь ткань проступали жесткие, холодные грани тяжелого предмета. Зачем он вообще таскает его с собой? Е Му горько усмехнулся собственной глупости.

"Да и ладно, вреда от него не будет. Сделаю хоть раз так, как велит сердце".

Сунув сверток за пазуху, он вышел во двор.

Вскоре появился Е Мин со своим узелком:

— Папа, я все собрал.

Е Му подхватил мальчика на руки и прижал к себе:

— Тогда в путь.

Мрачная атмосфера затихающего города не слишком давила на Е Му — до тех пор, пока на одном из перекрестков до его слуха не долетели обрывки чужого разговора.

—... Шуму-то подняли! Нашли время пировать...

— Да это же Хэ Лян! От этого безумца чего угодно ждать можно...

Е Му замер как вкопанный. Попытавшись определить, откуда доносились голоса, он повернул в переулок и преградил дорогу двоим досужим обывателям.

— Что вы сейчас говорили о Хэ Ляне? — резко спросил он.

Ему никогда не было свойственно совать нос в чужие дела, но эти случайные слова, наложившись на общую тревогу в городе, внезапно отозвались в груди глухим, беспокойным предчувствием. Невыносимая тревога сдавила легкие; он понял, что не сможет уйти, не узнав правды.

Мужчины, испуганные его ледяным тоном и суровым видом, попятились, заискивающе кланяясь:

— Да мы так, господин, просто болтали... Ничего такого, пустое...

Раздражение вспыхнуло с новой силой. Нахмурившись, Е Му достал из рукава тяжелый серебряный слиток и бесцеремонно впечатал его в ладонь одного из говорунов:

— Говорите.

Почувствовав приятную тяжесть драгоценного металла, обыватель мгновенно позабыл о всяком страхе. Он алчно прищурился:

— Да мы про сынка этого, Хэ-дасюэши, поговаривали. Ну и фрукт, скажу я вам! Рука у него тяжелая, а уж коварен...

Поняв, что тот собирается вывалить на него все сплетни столицы, Е Му нетерпеливо оборвал этот поток бессмысленных излияний и повернулся ко второму:

— Ближе к делу. Что за шум?

Второй бедняк, давно уже пускавший слюни на серебро соседа, поспешил встрять, заискивающе улыбаясь:

— Господин, да Хэ Лян сегодня женится! Привез невесту и пустил свадебный кортеж кругом по всему городу, представляете? Грохот стоял на все кварталы, литавры, барабаны — ух, пыль столбом! Вот мы и диву даемся.

Глодавшая его изнутри тревога мгновенно утихла. На смену ей пришло нечто куда более страшное. На мгновение Е Му показалось, будто его сердце просто перестало существовать.

Не было ни острой боли, ни горечи. Лишь глухая, бездонная пустота, которая ледяной волной хлынула в грудь, накрывая с головой.

Разум его продолжал работать с пугающей, механической четкостью. Он помнил, как вынул еще одну монету, швырнул ее второму зеваке, как развернулся и пошел прочь, ровным голосом отвечая на какие-то вопросы Е Мина. В его голове даже билась вполне логичная мысль: возможно, эта свадьба — лишь очередной маскарад? Ведь Хэ Лян — непревзойденный мастер обмана и изменения облика, для него сменить личину — раз плюнуть.

Но там, перед сплетниками, он так и не смог заставить себя спросить, кто невеста. Горло стиснул невидимый спазм, лишив дара речи. И только сам Е Му знал, что его поспешный уход был самым настоящим, позорным бегством.

Простое имя. И он испугался его услышать.

Е Му глухо, безрадостно рассмеялся. Отойдя подальше, он прислонился спиной к холодной каменной стене какого-то дома.

Какая нелепость. Неужели Хэ Лян значил для него так много? Почему же он сам этого не замечал?

"Да нет, вряд ли все настолько серьезно, — пытался он убедить себя. — Раз я никогда не искал сближения, то какая разница, на ком он женится? Это его право. Глупо расстраиваться из-за очевидного".

Он мелко подрагивал от беззвучного смеха. Мысленно он вызвал перед глазами карту. Он редко следил за этим человеком, но сейчас его взгляд мгновенно отыскал нужное имя. Зеленая точка, обозначающая Хэ Ляна, застыла на карте вплотную к другой. Они прижались друг к другу так тесно, словно слились воедино.

Ло Ин...

Смех оборвался. Е Му закрыл глаза, заставляя упрямый рассудок вернуть контроль над чувствами.

Он провел ладонью по волосам притихшего Е Мина и тихо проговорил:

— Пойдем со мной в одно место, малыш. Хорошо?

Глупость, чистой воды безумие — он прекрасно это понимал.

Что изменится, если он придет туда? Какую бы картину он ни застал, он останется лишь случайным зрителем, чужаком на чужом празднике жизни.

"Ну и пусть, — упрямо подумал Е Му. — Если суждено страдать, пусть эта боль выжжет все дотла. Так будет проще принять неизбежное и наконец протрезветь".

Он сам выбрал этот путь и сам заплатит по счетам. А эта ноющая тоска в груди — лишь неизбежная пошлина за иллюзии.

Мальчик послушно кивнул и вдруг потянулся к лицу отца, осторожно коснувшись его щеки крошечными пальцами:

— Папа, не плачь.

Плакать? Неужели он плачет? Е Му опешил. Он провел рукой по щеке — кожа была сухой, ни

намека на слезы.

Он ласково прижался лбом к теплому лбу сына и прошептал:

— Да, мой хороший. Папа не плачет.

Ориентируясь по карте, он вскоре вышел к огромной богатой усадьбе.

Ворота помились от праздничных фонарей, изнутри доносился веселый гул голосов. Царившее здесь безудержное веселье казалось чуждым и кошунственным на фоне замершей в страхе столицы.

Устроившись на краю высокой крыши соседнего здания, Е Му сквозь кружево черепицы устремил взор во внутренний двор, где в самом центре праздничной суматохи стояли двое.

Он никогда прежде не видел Хэ Ляна в алом шелке. Этому человеку шло абсолютно все, но яркий, праздничный цвет свадебного одеяния смотрелся на нем вызывающе великолепно, подчеркивая безупречную, хищную красоту.

Жених и невеста чинно поклонились друг другу. Странно, но даже с такого расстояния Е Му отчетливо видел выражение глаз Хэ Ляна. Тот смотрел на Ло Ин с такой бесконечной, благоговейной нежностью, словно во всей вселенной для него существовала лишь она одна.

Е Му знал множество масок Хэ Ляна, но этот взгляд открылся ему впервые. И сомневаться не приходилось: сейчас перед ним была не игра. Это была та самая редкая, тщательно скрываемая от мира истинная глубина его чувств.

Истинная глубина... Вот оно как.

Три поклона завершились. Союз был скреплен пред богами и людьми.

Сложив ладони, словно держа невидимый кубок, он беззвучно салютовал им издалека. Затем, покрепче прижав к себе Е Мина, поднялся.

— Ну вот и все, — тихо прошептал он. — Пора уходить.

Он ушел, ни разу не оглянувшись назад.

"Будь счастлив. И... поздравляю".

"Пусть все так и останется" — рассудок Е Му был кристально чист.

Эту щемящую боль он примет без остатка и унесет с собой.

Е Мин, обнимавший его за шею, долго молчал, о чем-то сосредоточенно размышляя. Наконец он поднял голову и с самым серьезным видом, словно принимая важнейшее решение в жизни, торжественно произнес:

— Папа, не грусти. Когда я вырасту, я сам на тебе женюсь!

От неожиданности Е Му едва не сорвался с карниза. Обретя равновесие, он воззрился на приемного сына с непередаваемой смесью изумления и веселья. Потрепав его по лбу легким щелчком, он с трудом сдержал смех:

— Что еще за глупости тебе в голову взбрели? За заботу спасибо, конечно, но твой отец еще не настолько пропащий человек, чтобы не суметь найти себе жену. Так что жертвовать собой ради меня не нужно.

— Ладно, — вздохнул мальчик, ничуть не смутившись. — Но если тебя никто так и не заберет, ты только скажи. Я возьму за тебя ответственность.

— Ах ты негодник, и о чем только думаешь!

У городских окраин огромный силуэт Цзяло взмыл в темнеющее небо. Расправив могучие крылья, птица взяла курс на юг, к городу Чанъи, унося их прочь от пышной, но обреченной на гибель столицы.

В самый разгар свадебного пира со стороны главных ворот усадьбы грохнул сокрушительный удар. Створки разлетелись в щепки, и во двор лавиной хлынул вооруженный отряд. Солдаты с обнаженными клинками, скаля зубы, крушили все на своем пути. Один из них с ходу перерубил свадебный стол, бесцеремонно вторгаясь в праздничное благолепие зала.

Хрупкая ширма мнимого благополучия была сорвана в одно мгновение. По залу прокатился испуганный ропот, сменившийся истошными криками. Паника ураганом пронеслась среди гостей.

Хэ Лян неторопливо опустил пиалу с вином на уцелевший край стола. Когда он поднял взор, от недавней нежности в его глазах не осталось и следа. Лениво скользнув взглядом по залу, он выделил среди нападавших предводителя и расплылся в вежливой, но леденящей душу улыбке:

— Господа, сдается мне, вы пожаловали сюда вовсе не за чаркой свадебного вина. Поведайте же... какую цель вы преследуете на моем празднике?

<http://bllate.org/book/18186/1759241>